

И.А. Гатауллина

Городская повседневность Среднего Поволжья в 1920-е гг.

Повседневность советской эпохи является едва ли не самой востребованной исследовательской проблемой. Крах тоталитаризма доказал практическую несостоятельность рационально-технологического проектирования светлого будущего, игнорирующего «массовую маргинальность» как колоссальное множество житейских практик простых людей. Оказалось, что именно человек из массы, затерянный в толпе себе подобных, а не человек – Хозяин и Агент собственной истории, является динамичным фактором общественного процесса. Автор сделал выбор в пользу широко трактуемой истории повседневности, когда последняя, рассматриваемая как место пересечения «объективного» и «субъективного», определяется как «культурно оформленное взаимодействие действий и интерпретаций «действительности», специфическое для различных слоёв, на которое решающее влияние все же оказывают материальные условия и их изменение» [1, с. 22]. Городская повседневность эпохи нэпа как нельзя лучше раскрывает именно этот её аспект, когда в условиях перехода общества от старого к новому, от традиционности к модернизации основное содержание жизни людей составляли их бытовая неустроенность, безработица, голод и в целом борьба за выживание – факторы, формировавшие осознанную рефлексию, оценку происходящего. Если в деревне, по выражению Л. Каменева, «находились корни НЭПа» [2, с. 621], то в городе, следуя этому семантическому ряду, произрастали его «плоды», которые оценивались неоднозначно российским населением. Для одних «НЭПО»¹ [3, с. 122] означал «увеселительные заведения и фешенебельные кабаки, наполненные разодетой публикой, щедро платящей миллионы за изысканную снедь; витрины гастрономических магазинов и кондитерских, ломящихся от отборных лакомств». Вся эта, по выражению А. Рафаловича, «сравнительно убогая на старый масштаб роскошь» [3, с. 17], поражала сознание обывателя, вызывала в широких слоях населения резкий протест против «пирующих во время чумы». Другими нэп осмысливался более глубинно, невзирая на контрасты в сфере потребления. «Среди других последствий, – пишет Б. Зайцев, – оказалось одно, малое для событий, человеческому же сердцу видимое, милое, понятное. Появился эклер – победа жизни, знак волевого творчества, личное, а не казарма» [4, с. 357].

¹ Так на обывательско-советском жаргоне звучала аббревиатура нового понятия.

Будучи уступкой прежде всего крестьянству, нэп стал для него панацеей от всех бед. Результатами нэпа воспользовался город, вызывавший у деревенского жителя и ревность, и раздражение. Но, несмотря на это, город не отталкивал, напротив, манил крестьянина с такой силой, что тот готов был поступиться определенными принципами. «Нельзя ли похлопотать о каком-нибудь местечке, – толковали старики, тоскуя по городской жизни. – Хоть бы солдатские клозеты чистить, лишь бы в городе» [5, с. 18]. Кто-то хотел стать рабочим, кого-то привлекала кажущаяся возможность более легкого заработка. После голода в города пытались вернуться вчерашние беженцы, надеясь навсегда избавиться от растительного существования и тяжелого крестьянского труда. Не желая укореняться в деревне, жаждая обновления, надежности и обустроенности на новом месте, человек не подозревал, что опять обрекал себя на испытания. По замыслам политиков, город должен был стать символом новой жизни, утверждения новых ценностей на принципах справедливости, равенства, коллективизма. Однако по туги властей в этом направлении пока ограничивались революционным пафосом и социалистической риторикой, заражавших массы энергетикой виртуального созидания и одновременно вводящих в заблуждение. Руины первых коммунистических преобразований на пути к всеобщему счастью были не лучшим фундаментом для строительства нового миропорядка.

Инициированный властью конфликт между искренним желанием обновления и скудными возможностями его реализации разрешался самими же людьми. Теперь уже не на баррикадах, а в коллизиях повседневности, в которых, как в горящем котле, кипели человеческие страсти, эмоции, настроения и проступало прозрение, которое более разочаровывало, чем обнадеживало в возможности лучшей жизни.

Мощнейшим социальным «зазором модернизации» являлись вопросы быта, которые, согласно декабрьскому 1922 г. прогнозу аналитиков ОГПУ, «вскоре встанут в число главнейших причин недовольства рабочих» [6, т. 1, ч. 1, с. 486].

Жилищная проблема ещё до революции представляла собой одну из самых трудно устранимых зол. Учёные, исследовавшие её, считали, что бездушное отношение властей к этому вопросу породило жилищный кризис в столичных и провинциальных городах. Однако мало что изменилось в этом отношении в первые годы советской власти. С отменой понятия

«индивидуализированная собственность» исчезла законодательная норма частного жилья, замещенная термином «коммуналка».

Согласно решению Наркомздрава 1919 г., весь жилой фонд делился на отрезки из расчета 20 кв. аршин (10 м²) на взрослого с ребенком до двух лет и 10 кв. аршин (5 м²) на ребенка от двух до двенадцати лет [7, с. 237]. Данная норма была неким усредненным критерием, который фактически нарушался, сдвигаясь чаще всего в сторону уменьшения. Согласно данным городской переписи населения, в 1923 г. в Самаре на одну комнату приходилось 2,2 души при средней площади на одного жителя в 10 кв. аршин [8, с. 72]. В Казани только 10% населения жили по одному человеку в комнате, которая составляла 8,5 кв. аршин на жильца [9, с. 89]. Губернские аналитики ГПУ отмечали, что рабочие и служащие жили скученно, имели сырые или полусырые квартиры, ютились либо в подвалах, либо на чердаках. Вследствие совместного проживания в бараках мужчин и женщин – рабочих и рабочих фабрик и заводов – была сильно развита проституция [10, с. 863]. Согласно оперативной сводке ОГПУ, в 1923 г. жилищный вопрос в Татарской Республике достиг критической отметки [6, т. 2, ч. 1, с. 863]. В 1924 г. в обращении к V Всетатарскому съезду Советов отмечалось, что данная проблема приобрела катастрофический характер [10, с. XI].

В условиях жилищного кризиса, который не представлялось возможным разрешить не только в 1920-е гг., но и в последующие десятилетия вплоть до хрущевского периода массовой застройки, главным критерием оценки жилья считалась жилищная обеспеченность, а не количество проживающих в отдельных комнатах, качество строений или комфортность жилья. Именно по этой причине в 1924 г. Наркомздрав принял решение о сокращении прежней нормы жилплощади до 16 кв. аршин.

Жилищная политика в годы нэпа формировалась под действием различных процессов. В результате восстановления частной собственности и разрешения сделок с недвижимостью с осени 1921 г. начался процесс демунICIPализации жилья, когда часть городских домов и квартир возвращалась владельцам, сдавалась в аренду или приобреталась в личную собственность [7, с. 238]. Продолжался начатый в первые годы советской власти процесс переселения трудящихся с рабочих окраин в находящиеся в центре квартиры «бывших». Такие квартиры, ещё недавно принадлежавшие крупной буржуазии, относились к так называемой первой категории жилья, где на одного человека приходилось на порядок больше площади, установленной нормой Наркомздрава. Так, в Самаре эта площадь составляла 26,1 кв. аршин, тогда как в квартирах второй категории на одного человека приходилось 17,1 кв. аршин. Всего в квартирах этого типа в Самаре проживало около 13000 чел. из 131588

горожан, что составляло 10% [11, л. 29]. Такое жильё имелось и в Казани, где его обладателями являлись, вероятно, семьи рабочих, но всё же основным контингентом живущих в квартирах «бывших» были представители категории «служащие». Жительница Казани Баррикада Биляловна Гумерова (1921 г.р.) вспоминает: «Наша семья из пяти человек жила в очень большой квартире на ул. Парижской Коммуны напротив Сенной Мечети. Отец был работником Наркомата соцобеспечения (в прошлом – активный участник борьбы с басмачеством), поэтому нам её и дали. Возможно, когда-то это была гостиница², так как в этом доме были общие длинные коридорные пролёты. Квартира на втором этаже здания с высокими, овальными окнами состояла из трёх огромных комнат, в одной из которых стоял рояль, доставшийся нам даром. Она была единственная в доме с выходом на небольшой балкон с узорчатыми решетками»³. Подруга Б. Гумеровой А. Сафиуллина (первый диктор татарского телевидения), жившая в ту пору с ней по соседству, отмечает, что это была самая лучшая квартира в ближайшей округе. Остальные жильцы дома – рабочие, торговцы, ремесленники, в семьях которых было по пять и более членов, имели тесные комнаты для проживания. «Я не могу точно сказать, сколько в них было метров, но даже по моим детским впечатлениям их жилища представляли собой узкие, иногда даже без окон помещения, скорее напоминающие отхожее место, чем жильё, – вспоминает Б. Гумерова. – В одном из таких помещений жила наша с Аминой подруга Асия из бедной рабочей семьи, которая прожила в этом доме, не поверите, до 1990 г., похоронив родителей, да так и не выйдя замуж. Только в 1991 г. она получила новую однокомнатную квартиру на ул. Гаврилова, где вскоре умерла».

В 1925 г. обследование жилищных условий рабочих Казани показало, что в собственных домах на окраинах города проживали 8,9%, частновладельческими домами пользовались 23,4% рабочих. Если в 1923 г. в городских домах жили 8,5%, а в поселках – 14,5% рабочих, то к 1925 г. в первых – 20,2%, а во вторых – 25% соответственно. От общего количества жилой площади дома составляли 5,6%, а отдельные квартиры – 47,6%. В последнем случае часть квартиры занимали 42%, а часть комнаты – 5,6% рабочих [9, с. 89]. 7,3% этого жилья находилось в подвале; 1,6% – в полуподвале; 1,6% – на чердаке. Его комфортность составляли незначительные удобства в виде электрического освещения и водопровода, выпадавшие на долю немногих жильцов, количество которых возрастало. Если в 1923 г. электричество имелось только

² Вероятно, речь идет о здании, известном с конца XIX в. как доходный дом И.И. Апакова, на втором и третьем этажах которого, действительно, находились гостиничные номера.

³ Воспоминания старожилов хранятся в архиве автора статьи.

в 17%, а водопровод – в 13% хозяйств, то в 1925 г. – у 20 и 30% соответственно [9, с. 89]. Остальные жильцы пользовались керосиновыми лампами, расходуя 12,9 фунтов керосина в неделю, а воду носили на коромысле с городских колонок.

Жилищная комиссия Самарского исполкома, обследовав 209 квартир, выявила, что около 1/4 рабочих проживали в сырых или полусырых квартирах, 1/3 – не имели освещения, 1/3 семей занимали помещения с тяжелым, спертым воздухом. Тем не менее 151 квартире, или 74% была дана положительная, 45 квартирам, или 22% – отрицательная, 7 квартирам, или 4% – неопределенного свойства характеристики [8, с. 76].

Рассмотрим примеры положительной оценки жилищных условий. Так, семья из пяти человек формовщика завода №15 Самары занимала домик в три комнаты. «Квартира сухая, светлая, содержится в порядке и чистоте, – сообщается в листе обследования. – Потолки и печи выбелены, стены оклеены обоями. Обстановка приличная. На стенах портреты политических деятелей и фотографии. На окнах занавески. Одежда и обувь имеются у всех. Дети жизнерадостны. Все грамотны. Имеются письменные принадлежности, выписываются газеты и журналы». Жильё из комнаты и кухни семьи пекаря хлебопекарни Губсоюза в составе двух человек также получило положительную характеристику. «В квартире заметен недавний ремонт; есть картины, цветы, кисейные занавески на окнах, на столе скатерть. Чистая постель с хорошим бельем, зеркало, на комод безделушки из фарфора. Одежда и обувь чистые и крепкие. Хозяин грамотный, читает газеты и многим интересуется. Оба здоровы и довольны своим положением» [8, с. 76].

Как жильё отрицательной характеристики была оценена 2-комнатная квартира с кухней семьи вагоновожатого трампарка из 5 человек. «Квартира низкая,

холодная. Ремонта давно не было. Стены грязные, со следами клопов. Вся обстановка – два простых непокрытых стола, одна кровать, зеркало, швейная машина и три стула. Все члены семьи, кроме одного, спят на полу на тряпье. Нет ни белья, ни обуви. Питаются плохо. Хозяйка больна ревматизмом, у сестры её – острое малокровие. Но внешне веселы и спокойны. Дети учатся в школе, два мальчика – пионеры». Семья засыпщика госмельницы №60, состоящая из мужа и жены, занимала подвальное помещение. «Комната сырая и темная, редко проветривается. Воздух спертый. Меблировка самая простая: стол, несколько стульев, кровать. Живут бедно. Вид у обоих болезненный. Оба угрюмы и неприветливы. Грамотны. Выписывается газета», – сообщается в листе обследования [8, с. 76].

Сравнительный анализ показывает, что жилища различались чистотой помещений у одних и неряшливостью, да и просто антисанитарными условиями проживания у других. Жилобеспеченность в обоих случаях зависела от количества членов семьи, а комфортность жилищ достигалась усилиями их обитателей. Новые обои, кисейные занавески, выбеленные потолки и печи, а также наличие белья, крепкой обуви, одежды и мебели – свидетельство позитивной оценки жилья, хотя ясно, что данные помещения будут производить приятное впечатление даже в трущобе, поскольку их хозяева любят порядок и чистоту. Отсутствие имущества и утвари, а также болезненный вид обитателей – серьезное обстоятельство для доказательства не столько отрицательной оценки жилья, сколько низкого уровня доходности семьи, не имевшей возможности не только сделать ремонт, но и нормально питаться. Фактическую комфортность жилища должен был составить метраж, который в обоих случаях не указан, вернее, умышленно скрыт за описанием портретов политических деятелей

Перечень квартиросъемщиков и их расходов на коммунальные услуги в Самаре за 1926 г.

Квартиросъемщик и его профессия	Зарплата (руб.)	Площадь (м ²)	Коммунальные услуги (руб.)				Всего за коммунальные услуги (руб.)
			жилье	вода	электро-энергия	санитарное состояние двора	
1. Федотова Татьяна Георгиевна (чернорабочая)	18,75	10,5	0,29	0,06	–	–	0,35
2. Седенков (техник)	90,00	35,0	9,10	0,09	1,06	–	10,25
3. Петров Степан Петрович (сторож)	22,00	14,67	1,81	0,14	0,65	–	2,60
4. Федотова Мария Петровна (конторский работник)	24,80	17,0	3,00	0,54	0,60	–	4,14
5. Тимофеев Г.С. (агроном)	125,00	14,8	15,00	0,34	–	–	15,34
6. Шапиро Самуил Абрамович (фармацевт)	183,00	40,0	15,68	4,55	6,00	3,00	29,23
Инженер	275,00	50,0	4,00	3,50	7,50	–	15,00

на стенах, за подозрительной жизнерадостностью обитателей, указание на грамотность которых являлось обязательным идеологическим довеском к характеристике жилищной обстановки.

Выборочный перечень квартиросъемщиков и их расходов на коммунальные услуги в Самаре в 1926 г. также дают интересную для анализа жилищных условий информацию, косвенно указывающую на льготное положение одних и сложное, жизненное положение других (см. табл. [12, л. 2]).

Из данной таблицы видно, что безмянный инженер, имеющий самый высокий заработок (275 руб.), является обладателем самой большой квартиры площадью в 50 м², за которую он платит всего 4 руб., или 8 коп. за 1 м². Агроном Г.С. Тимофеев, получающий в 2,2 раза меньше зарплаты инженера и имеющий в 3,3 раза меньше площади последнего, вносит за жилье 15 руб., или 1 р. за 1 м². Почти ту же сумму – 15 руб. 68 коп. оплачивает фармацевт С.А. Шапиро, при этом площадь его квартиры в 2,7 раза больше площади квартиры агронома Г.С. Тимофеева.

Всего на 1 руб. меньше инженера платит за жилье конторский работник М.П. Федотова, хотя площадь её квартиры составляет всего 17 м². Очевидное противоречие в оплате жилья обнаруживается при сравнении квартир Тимофеева и Седенкова. Последний за площадь в 35 м² платит 9 руб. 10 коп., тогда как агроном за 14 м² – 15 руб. Однако оплата сторожа С.П. Петрова за квартиру 14,67 м² составляет всего 1 р. 81 коп. Сложение коммунальных платежей каждого квартиросъемщика показывает, что агроном и инженер платят почти одинаково – 15 руб. Фармацевт, имея зарплату в 1,5 раза ниже зарплаты инженера, тем не менее оплачивает 29 руб. 23 коп. – сумму в 2 раза большую, чем у агронома или инженера, в разы превосходящую суммы остальных квартиросъемщиков [12, л. 2].

В таблице отсутствуют сведения о количестве членов семей квартиросъемщиков, наличие которых пролило бы свет на систему организации коммунальных платежей. Из данных видно, что основным здесь являлся принцип социальной принадлежности, когда самую низкую сумму (35 коп.) вносила чернорабочая, проживавшая в квартире 3–4-й категории⁴ [11, л. 29], а самую высокую – живущий в квартире 1-й категории фармацевт, вероятно, ведущий частную практику и поэтому единственный обязанный оплачивать 3 руб. за санитарное состояние двора. Если взять во внимание величину зарплаты квартиросъемщика, то с определенной долей условности можно согласиться с суммами, оплачиваемыми техником, сторожем и конторским работником, живущими в квартирах 2-й категории. Но все эти предположения утрачивают значение, если учесть, что инженер, проживающий в квартире «бывших», вносит сумму (равную опла-

⁴ В квартирах этих категорий в среднем на человека приходилось 10,8 и 9,0 кв. аршин соответственно.

те агронома), в которой плата за 1 м² жилья только в 2,6 раза превосходит сумму чернорабочей и составляет всего 8 коп. Обладание барской квартирой площадью 50 м² и низкие величины оплаты коммунальных услуг указывают на привилегированность положения специалиста, его номенклатурную принадлежность.

Приведенные нами данные показывают, что решение жилищной проблемы для каждого нуждающегося определялось тем, какое место он занимал в социальной иерархии. Если он не входил в номенклатуру, которая решала жилищный вопрос для себя избирательно⁵ [7, с. 238–240], ему лучше всего было быть металлистом. Исследуя жилищные условия рабочих Самары, Р.Т. Артищев пришел к выводу, что металлисты действительно жили в хороших условиях, но уступали железнодорожникам, которые лучше остальных категорий были обеспечены количеством комнат и соответственно окон на одну семью. Однако по кубическому содержанию воздуха железнодорожники стояли на последнем месте. По части комнатного расселения самым сложным было положение кожевников, но по объему квартир и по числу окон они заметно превосходили все остальные группы рабочих. К кожевникам примыкали пищевики, но, несмотря на хорошие заработки, их жилища считались наименее комфортными [8, с. 78].

Во второй половине 1920-х гг., когда в результате демографического роста, а также наплыва сельского населения в города, данная проблема резко обострилась, люди буквально атаковали органы РабКРИНа жалобами по поводу улучшения условий. Так, гражданин Л.Н. Иванов, проживавший в Казани по ул. Воздвиженской, в квартире №5 дома №8/3 с семьей из 3-х человек на площади в 5 кв. сажень, в своем заявлении в Наркомат РКИ просил помочь найти правду в решении жилищного вопроса. Узнав, что в соседнем доме кассирша кинотеатра «Электро» гр. Юркина, якобы выехавшая в Сибирь, поселила в своей квартире в 11 кв. сажень двух родственников, он посчитал этот факт несправедливым для себя и стал открыто требовать их выселения, чтоб въехать самому. Пока Иванов обращался с заявлением к председателю Татжилсоюза, консультировался с прокурором республики по этому вопросу, в квартиру Юркиной переселилась её соседка Ложеницина, Юркина же – в квартиру Ложенициной, оставив истца, по его признанию, «с большим носом» [13, л. 33]. «Ложеницина – пенсионерка, живет в комнате в 9 кв. сажень, а переселилась на площадь в 11 кв. сажень, – аргументировал необходимость своего переселения Иванов. – Получает пенсию в 30 руб., а чтобы отопить новую квартиру нужно выложить половину этой пенсии. Значит, она имеет

⁵ Имеется в виду подбор и расселение в комфортабельных квартирах в муниципализированных домах, состоящих на особом учете; приобретение «бесхозной» мебели среди ответственных работников; получение льгот на оплату жилплощади и т.п.

скрытую форму доходов от продажи имущества, или будет эксплуатировать свою квартиру. Интересно бы знать, за что она получает такую пенсию? Не за то ли, что она буржуазного происхождения... и примазалась к советской власти?» [13, л. 33]. «Буржую нужна хорошая квартира или пролетарию? – спрашивал он. – Прошу вернуть Ложеницину в её прежнюю квартиру, квартиру Юркиной – мне, а Юркину вселить в мою квартиру, а также узнать, за какие заслуги перед революцией Ложеничиной дана персональная пенсия и ей во всем оказывается предпочтение, а мне приходится недоедать, искать правды, жить в сырой, насквозь промерзшей квартире, пригодной разве что для скота, а не для людей. Если она и производит выгодное впечатление на первый взгляд, то только благодаря идеальной немецкой чистоте» [13, л. 34].

Аналогичная история произошла с П.В. Зорькиным, который в своем письме в РКИ от 31 октября 1925 г. просит назвать причины отказа в предоставлении ему дополнительной комнаты, необходимой для его детей. «Несмотря на то, что председатель комиссии дал устное разрешение, в комнату въехала гр. Утятинская с семьей из пяти человек, а в её квартиру – торговец», – сообщал он [13, л. 4]. Рабочее-крестьянская инспекция проверила факты, изложенные в письме, и отказала Зорькину. В комнату вселили семью члена комсомола Федорова, который с больной женой и детьми тоже жил в ужасных условиях и нуждался, по мнению комиссии, в дополнительной площади более, чем Зорькин. Проверка показала, что в квартире Утятинской жил не торговец, а столяр-кустарь, добывающий средства личным трудом [13, л. 6].

Гонения на торговцев во второй половине 20-х гг. превратились в средство для разрешения жилищных вопросов, а обвинения в занятии когда-либо торговой деятельностью, порой клеветнические, служили поводом для ущемления прав одних граждан в пользу других. Так, инвалид труда Хайдар Ибрагимов, проживавший по ул. Островского (д. 76, кв. 2), 24 декабря 1927 г. обратился с жалобой в РКИ по поводу невозможности совместного проживания с врачом Пермяковым и служащим Наркомсвязи Кабаковым. Примириительно-конфликтная комиссия, приняв во внимание информацию Пермякова о том, что Ибрагимов – якобы бывший крупный торговец, отнеслась к последнему с недоверием и вынесла решение в пользу Пермякова и Кабакова. «Председатель конфликтной комиссии Сионский, – пишет Х. Ибрагимов, – обращается со мной, как с преступником, решение суда не выдает» [14, л. 84]. «Но я не торговал никогда, – оправдывался инвалид труда. – Я служил по найму с 1888 г., сначала на суконной фабрике Акчурина в Симбирской губернии в течение 28 лет. Переехав в Казань в 1911 г., продолжал служить Акчурину. Последнее место работы – фабрика «Спартак». Мне 60 лет, по состоянию здоровья трудиться не

могу, с 10 сентября 1927 г. получаю пенсию. Прошу Комиссию допросить Сионского, что наклеветал на меня» [14, л. 84].

Представленные сюжеты можно интерпретировать как фрагменты жилищной катастрофы, охватившей и лихорадившей население региона весь период нэпа. Социальная политика 20-х гг., проводимая номенклатурой по классовому принципу и вне института индивидуализированной собственности, способствовала взаимной ненависти, нетерпимости, дележу. Выступая в роли гаранта справедливости, именно номенклатура была источником социальной напряженности, неравенства, несвободы.

Между тем жизнь в регионе в середине 20-х гг. постепенно налаживалась. Признаком этого стала стабилизация демографической ситуации. 1922 г. стал последним, когда показатель смертности в Татарской Республике превышал показатель рождаемости в 4,7 раза и составлял соотношение: 132 тыс. чел. умерших к 28 тыс. чел. родившихся. Уже в 1923 г. на 32 тыс. чел. родившихся пришлось 28 тыс. чел. умерших, а к 1924 г. количество первых превысило вторых почти в два раза (59 тыс. чел. к 30,4 тыс. чел. соответственно) [15, с. 2].

После пяти лет простоя заработало коммунальное хозяйство. Рекламная строка в «Известиях ТатЦИКа» от 4 мая 1923 г. сообщала, что в Казани открылись бани «Здоровье», «Гигиена», «Коммунальная»: класс I по цене 8 руб., класс II – 6 руб., класс III – 4 руб., а номера – от 12 до 35 руб. [16]. Исполнительная власть на местах выделяла на это незначительные средства⁶ [17, л. 4], поэтому, несмотря на пролетарские названия бань, восстановить их работу могли только частные лица. Так, в Самаре в 1923 г. были сданы в аренду 9 бань, бывшие в собственности Корчагина, Лебедева, Чельшева. Их новые владельцы заключили договор с Комхозом, согласно которому помывочные заведения должны были вносить деньгами в сумме до 19–20 млн руб. и до 300 тыс. руб. билетами (в 1 тыс. руб. каждый) в месяц при условии, что будет выделяться определенное количество пропусков для служащих и рабочих советских предприятий. Так, баня Лебедева за три дня в сентябре 1924 г. бесплатно перемыла весь гарнизон и проходящие воинские части в количестве 3 тыс. чел., выдав 2000 номинальных билетов [17, л. 6]. Понизить плату до минимума и работать с 7 до 24 часов местные власти предписывали баням Казани ввиду эпидемии сыпного тифа [18]. Судя по всему, бани работали в убыток, и их владельцам было нелегко обеспечивать их функционирование. Тем не менее восстановление банного хозяйства показывало, что повседневная жизнь города входила в размеренное русло. О её упорядочении свидетельствовала многообразная информация, содержащаяся в различных

⁶ В 1923 г. Самарский губисполком из 11 млрд руб. выделил на восстановление коммунального хозяйства 11 млн руб., или 1% из имеющихся в хозяйстве средств.

справочниках, путеводителях. В них сообщалось о маршрутах поездок по Волге, на самолете или по железной дороге, условиях, времени пребывания в пути и ценах на билеты. Так, в 1925 г. билет на самолете от Казани до Москвы стоил 160 руб. (билет по железной дороге от Казани до Москвы стоил 40 руб.) [19, л. 9], а на пароходе до Нижнего Новгорода во втором классе – 14 руб., в третьем классе – 9 руб. 76 коп. Пассажиры предупреждали, что «в каютах белья нет и нужно запастись своим» [20, с. 79].

Дорого или дешево обходилась поездка горожанам? Исходя из весьма скудных финансовых возможностей жителей городов нетрудно предположить, что такие поездки могли позволить себе крепкие торговцы, деловая публика и партийные «бонзы». Последние опять же пользовались привилегиями как при использовании транспорта [19], так и при поселении в гостиницах. (Содержание выездной лошади в 1925 г. обходилось в 438 руб., рабочей – 368 руб., а водителя с шофером – 4494 руб. в год, что в разбивке составляло среднюю величину зарплаты рабочего в месяц: 36 руб.; 30,6 руб.; 37,5 руб. соответственно). Так, из 65 помещений «Гражданских номеров» на ул. Проломной в Казани 38 бронировались для советских ответработников и стоили от 80 коп. до 2 руб. в сутки при их фактической цене в 40–60 руб. [20, с. 235]. Горожанин того времени, тративший большую часть своего дохода на питание и оплату коммунальных услуг, вел статичный образ жизни и если перемещался, то не далее пределов своего города. Как он проводил свой досуг, что представляла собой духовная жизнь обывателя эпохи нэпа?

В то время существовали две формы организации отдыха. С одной стороны, утверждалась официальная, идеологически «нагруженная» система культурного времяпрепровождения, с другой – существовала неофициальная, сугубо индивидуальная по представлениям и понятиям или сложившимся стереотипам поведения обывателя форма досуга. В 1920-е гг. рабочие и служащие Казани, как и все советские граждане, отдыхали 42 часа в неделю [21, с. 119]. Выходной – один день в неделю, а с учетом специфики национального состава республики, в которой значительная часть населения исповедовала ислам, еженедельным днем отдыха была пятница, а на предприятиях, где большинство работников были русские, – воскресенье [21, с. 120].

В понятие «культурный досуг» входило посещение музеев, организация театральной самодеятельности, спортивных клубов и участие в них огромного числа молодых людей; гуляния в парках отдыха и прочее, формировавшие, по справедливому замечанию С. Мальшевой, массовые типовые модели досуга советского гражданина [21, с. 130]. Афиши города сообщали, что 27 мая 1923 г. в усадьбе «Русская Швейцария» на Арском поле состоится спортивный праздник с входным

билетом за 3 руб.; в Панаевском саду – ежедневные «Вечера отдыха», с аттракционами, квартетом «Песни бродяг» под управлением Н.З. Алексева, с развлечениями до утра со стоимостью входного билета – 5 руб., а за танцы – 10 руб. В саду «Эрмитаж» по воскресеньям – концерты оркестра под управлением Слуцкого, исполняющего увертюру «В погоне за счастьем», вальсы, попури из оперы «Паяцы» Леонкавалло и «Пиковая дама» Чайковского [22–23].

Однако утверждение официальных форм использования свободного времени сопровождалось строгой регламентацией поведения людей в местах публичных зрелищ [21, с. 130], которая, с одной стороны, упорядочивала досуг (проведение мероприятий в строго отведенных местах), «окультуривала» его (борьба с вульгарностью, преследование порнографии, циничных надписей на заборах, азартных игр на деньги и т.п.), а с другой – заорганизовывала (запрещение стоять в проходах во время представления, бросать мусор, шуметь, ставить приставные стулья и т.д.). Если учесть, что посетители публичных зрелищ облагались сбором в пользу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца («для зрелищ легкого жанра со столиками, для казино и других заведений, в которых проходят игры в лото, рулетку, буль и т.п., а также игра на бильярде за 25 коп. с посетителя») [21, с. 130], то нетрудно понять, почему основная масса людей предпочитала отдыхать так, как ей хотелось, без больших затрат и, главное, освободившись от запретительных установок. Вступив в зыбкую обстановку рынка эпохи нэпа, человек удовлетворял духовные потребности соответственно своему психоменталитету и представлению о культуре. «Пять лет мы умерщвляли плоть свою. Устали. Теперь нам хочется смеяться» [24, с. 21], – так звучало его новое желание, которое постепенно превращалось в неотъемлемый атрибут нормальной жизни. Даже в тяжелые периоды жизни население никогда не отказывало себе в удовольствии посмотреть гастрольный спектакль. Так, в июле 1921 г. группа казанских артистов дала несколько спектаклей в Чистополе. Несмотря на дороговизну билетов (до 2 тыс. руб.), театр был полон [25].

Рабочие в равной степени стремились и в театр, и в кинематограф. Они с удовольствием смотрели и комический фильм, и классическую театральную постановку с участием выдающихся имен, имея 50% скидку на билет. В кинотеатре «Электра» в 1923 г. шли мировые боевики: фильмы «Тайны Нью-Йорка» в 6 частях; «Нищая Стамбула», «Дух и плоть» (брачная ночь в монастыре) с участием Илы Лет и др. [26–27].

Афиши Казани приглашали 10 ноября 1923 г. в Большой театр на премьеру исторической драмы «Император Николай I» с участием в главных ролях актеров И.А. Слонова, П.Л. Вульфа, П.Е. Лесной, М.С. Борина, А.Г. Георгиевской и др. Сообщалось, что 13 ноября состоится спектакль «Гамлет», 17 ноября –

премьеры исторической драмы «Царь Дмитрий самозванец и царица Ксения», 20 ноября 1923 г. – «Травиата» Дж. Верди при участии артистки Петроградского академического театра М.Э. Феррари и известного баритона К.Н. Свицерского [13, л. 4].

Казанский цирк предлагал горожанам большие праздничные представления: «Лошадь в кровати» дрессировки В. Труцци; выступления воздушных акробатов; бенефис античных гладиаторов-эквилибристов бр.Бахман с лучшими и труднейшими номерами репертуара – аттракцион «Стальной череп», «Трюк смерти»; комиксы Губерта, роскошный балет «Жрицы огня», а также танец в клетке со львами артистки парижского театра «Олимпия» Аниты Ка [28–29] и т.п. По мнению С. Струмилина, зрелищные мероприятия занимали более высокое место в досуге рабочих, если бы «по содержанию и ценам были бы более согласованы со сферой его интересов и бюджета» [31, с. 31].

Много соблазнов и приманок для посетителей в ряду иных способов «убивать» скромный рабочий досуг создавали пивные, чайные, трактиры. Картежный азарт, пустая болтовня, угарный разгул этих заведений, а также борьба с зевотой представляли собой ряд весьма значительных затрат времени в повседневном быту. С. Струмилин характеризует эти затраты как сомнительные [30, с. 12], мы же назовем их доступными и единственно возможными после более 11 часов интенсивного труда, а для женщин – даже 14 часов в сутки. А если учесть, какими усилиями жителям города приходилось добывать «хлеб насущный» и уровень духовных запросов рядового обывателя, то становится понятным потребительский характер проведения досуга, когда человека «сильнее всего тянуло к пошлomu водевилю». «Театр ломится от опереточной безвкусицы, бессмыслицы, сальности «Гоп-са-сы», а в кинематографе рабочие взапуск смотрят «Султаншу любви», – пишет В. Чадаев в бытовых очерках [24, с. 34]. Эти запросы обывателя учитывались даже при проведении официальных мероприятий. В программе торжественного вечера, посвященного празднованию Октября, наряду с театральной постановкой «Советская медицина за революционное десятилетие» и концертом классической музыки значилась комедия «Муж каких много», а также массовые игры, танцы, угощения [31].

Голубые, лиловые, желтые вывески на улицах провинциальных городов, пестрые афиши на заборах приглашали обывателя на танцы, в бильярдную или ресторан. «Казань, ул. Проломная, 19. Ресторан “Центральная биржа”. Работает с 10 час. утра до 3 час. ночи. Большой выбор русских и зарубежных вин. Вечером играет оркестр. Кабинеты с отдельным выходом из ресторана» [32, л. 4]. В «Коммерческом ресторане» по ул. Б. Проломная – Петропавловское музыкальное трио. С 9 часов вечера –

концерт с участием лучших артистов эстрады, исполнителей русских, цыганских и татарских романсов: Идельской, Зиновской, Страмской, Черновой, Хабаровой и др. [32, л. 4].

Всевозможными соблазнами наполнились улицы Симбирска. На Венце американцы открыли казино, а на ул. Гончаровой заработали ночные рестораны «Медведь», «Пассаж» и «Батум», «предлагавшие своим посетителям первоклассную кухню, лучшие вина, бильярд, концерт артистов кабаре, куплетистов, цыганские романсы и интимные песенки, удовлетворявшие самые привередливые вкусы завсегдатаев этих заведений – торговцев, совбуров, рантьеров» [33, с. 3]. Менее состоятельные граждане посещали пивные, где массовое освобождение от нравственно-этических установок граничило больше с отчаянием, чем с упорядочением жизни. Характерный эпизод приводит Т.Ю. Кочепасова из губернской газеты «Пролетарский путь»: «...набралась самая серая публика, шум, смех, пьяные речи, вонь, накурено, наплевано. Сладковатый воздух пивной напоминает запах полуразложившегося трупа. В клейном тумане табачного дыма, как сквозь воду, красными пятнами мутнеют человеческие лица. Склизкой жабьей кожей щетинится бутылками клеенка столиков. На неё грузно наваливаются обмякшие тела. И с присвистом, с гиком, под вопли гармошки изображает буйное веселье цыганский хор...» [33, с. 3]. «Здесь всегда пьяным-пьяно, – пишет В. Чадаев, – кутят нэпманы. Ноги на столе. Вокруг них увиваются проститутки». «Деревня же теперь пьет беспросыпную. В крупных селах по воскресеньям возрождаются традиционные ярмарки – попросту гулянки; девки лузгают семечки, парни гуляют с гармониями, с железными тростями, напиваются допьяна и «разлюлималина» – озорство, драки, убийства» [24, с. 33].

Вместе с тем в нэповской повседневности были относительно размеренные зоны. Вот как описывает свою жизнь в 20-е гг. жительница Казани Е.П. Трухина: «Семья агронома Наркомзема П. Трухина имела квартиру из 3-х комнат. В большой, где стояло пианино, принимали гостей. В клубе госторговли работала хорошая библиотека. До ареста папы мама нигде не работала. В доме была прислуга. Стирать приходила прачка. На катке «Динамо» (бывш. Панаевский сад) играл оркестр. В саду «Эрмитаж» тоже звучала музыка, а на сцене распевали:

Вот если б тысяч сто мне выиграть бы просто, имея капитал, я снова б барин стал.

И это было б мило: купил себе я виллу, бриллианты, бархат, шёлк, я знаю в этом толк.

Такие песенки были в моде. Жизнь в Казани в 1920-е гг. текла в общем спокойно. Дети воспитывались в семьях, как и положено у интеллигентов в доброе старое время. Здороваясь со старшими, мы, девочки, делали реверанс. Нас учили танцам и, если

возможно, музыке. Весной в городе проходили шумные богатые ярмарки. Товары везли со всех концов страны, особенно из Украины. Одно помню хорошо: вкуснейшие медовые пряники. Моя учительница – Мария Николаевна, к которой я ходила один год (с семи лет), держала дома кур. Национальных конфликтов никогда не было, жили очень дружно. Изучали татарский язык».

При всей благообразности данный сюжет отражает противоречивую суть складывающейся системы: семья советского служащего среднего пошиба могла позволить себе прислугу, приходящую прачку, а учительница вынуждена была держать кур, не для экзотики, надо полагать. Не все так благостно было в советской семье. Коренной слом её прежней структуры вызвал замену традиционных представлений о нравственности, взаимоотношении полов, отцов и детей, новыми ценностными ориентациями, что демонстрировало её переходное состояние. Откуда и куда двигалась советская семья?

С отменой системы управления семьей, сложившейся в царской России, действительно возникли совершенно новые реалии в сфере семейного права. В частности, одним из первых законодательных актов ВЦИК и СНК стали декреты 1917 г. «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и ведении книг актов гражданского состояния». Этими документами советское правительство отменило словесные, имущественные, религиозные ограничения при вступлении в брак, провозгласив его полностью свободным. Также были устранены все ограничения, связанные с разводом. Религиозный брак не запрещался, но законным юридически признавался лишь тот брачный союз, который был зарегистрирован в государственном учреждении. Дети, родившиеся в официальном браке или вне его, были уравнианы в правах. Женщина обретала право на труд и его равную с мужчиной оплату. Она защищалась от физического насилия со стороны супруга. Моногамия признавалась основополагающим принципом брачно-семейных отношений.

Однако радикальные преобразования традиционной семьи привели к ускоренному формированию её кризиса. Вот что пишет об этом В.Г. Тан-Богораз, руководивший этнографическими экспедициями студентов в различных регионах России в середине 20-х гг.: «Браки заключаются по собственному уговору... самоходкой... самокруткой, без обряда, «без согласу» родителей, часто даже без их ведома, и без особых расходов, что, кстати, родителей вполне удовлетворяет. Рядом с церковной формой укрепляется и советская, даже известно слово – обсоветиться. Число бесцерковных браков неуклонно растет и одновременно растет развод, проникший в самые глухие трущобы и давший некоторый выход той самой «угрюмой, нелюбой» жене, о которой в песне поется «Я за

то ее проклятую чуть до смерти не убил». Разводятся больше молодые... но соблазняются разводом теперь и старые женщины. Женщине в старой семье было так невыносимо тяжело, что она ухватилась за развод, как за спасение» [34, с. 19]. Но инициатива развода в 70% случаев исходила от мужчин, которые нередко вступали в брак до шести раз [35, с. 34].

Действия советского государства, направленные на борьбу с церковью, не только уничтожили обычаи, нормы и обряды, обусловленные религиозной моралью, но и породили легкомысленное отношение к браку, который более не ассоциировался с семьей.

Но наиболее уродливым проявлением кризисного состояния семьи стало скорее декларативное, нежели реальное экономическое освобождение женщины. По подсчетам С. Струмилина, женщина-работница фабрики трудилась до 14 часов в сутки, из которых оплачивались только около 8 часов. Она недосыпала систематически до одного часа в день и практически не видела детей [36, с. 1, 12]. Испытывая колоссальные нагрузки от физических и психоэмоциональных затрат как на производстве, так и в крестьянском хозяйстве⁷ [36, с. 47], женщина компенсировала их традиционным способом, «отводя душу в храм», который постепенно замещался новым, более эффективным антидепрессантом. Алкоголь стал скрытой формой протеста женщины против резко изменившейся ситуации вокруг неё: на работе, в семье, выраженной в изменении её социальной роли, усилении самооценки, стремлении к самореализации и т.п. По подсчетам Ю. Ларина, по количеству потребляемого алкоголя в 1927 г. у женщин на водку приходилось 92,9%, пиво – 2,2%, вино – 4,9%. У мужчин – 82, 12,5, 5,5% соответственно [37, с. 4]. Низкий образовательный уровень по сравнению с мужчиной⁸ [38, с. 42], а также отсутствие равных прав с ним в одной из наиболее важных сфер семейной жизнедеятельности – имущественной – создавало весьма неустойчивое положение женщины в обществе, в семье и указывало на регрессивный характер брачного законодательства послеоктябрьской России.

Несмотря на весь спектр негативных явлений в российской семье, порожденный общественной ответственностью на средства производства, только сегодня обнаруживаются едва заметные ростки её оздоровления. Речь идет прежде всего о том, что в обществе формируется обостренное чувство ответственности за судьбы детей. Наряду с фактами вопиющего отношения к ним со стороны родителей, уповающих на помощь государства в вопросах их содержания и

⁷ По подсчетам С. Струмилина, работа женщины в крестьянском хозяйстве занимала 12 час 17 мин, у мужчин – 5 час 58 мин; сон – 7 час 22 мин, у мужчин – 8 час 59 мин.

⁸ Например, степень грамотности женщин-горожанок по сравнению с мужчинами в Самарской губернии в 1927 г. составляла 67,2 и 73% соответственно, в Ульяновской губернии – 56,5 и 72,4%.

воспитания, в обществе складываются социальные потоки, которые берут эту ответственность на себя. Экономическая либерализация позволяет многим семьям иметь гувернантку или просто неработающую образованную маму, которая, следуя своему основному назначению – продолжению рода, выполняет абсолютно неисполнимую государством задачу «возвращения душ» достойных граждан Отечества.

Кстати, такие явления имели место в годы нэпа. По воспоминаниям Е.П. Трухиной, «в 20-е годы мамы, как правило, не работали и очень много занимались детьми». Согласно подсчету С. Струмилина, домашние хозяйки в годы нэпа тратили на воспитание детей 385,2 часа, в то время как женщина-работница – всего лишь 72,2 часа [36, с. 18]. Обозначившиеся контуры оздоровления семьи в 20-е гг. были стерты системой общественного воспитания, которая формировала обезличенную массу людей-винтиков тоталитарной системы.

Однако главным мотивом повседневности было состояние оставленности и потерянности, которое в одинаковой мере остро чувствовали представители различных социальных слоев общества. Именно восприятие и переживания через толкование перерабатывались в опыт и модели поведения. Но последнее было самым трудным для человека. Так, известный профессор-востоковед Анушин-Амурецан просит в заявлении в РабКРИН объяснить причины его увольнения с работы [39, л. 129]. Как частное лицо обращается в органы рабочей инспекции Г.А. Клинкерман. Окончив медицинский и юридический факультеты, зная 7 языков, он недоумевает по поводу грубого (матом!) отказа в принятии его в члены профсоюза. «Непринадлежность моя создает для меня положение, равное смертному приговору: либо умереть с голоду, либо лишиться себя жизни. Почему я лишен возможности существования и применения своего ума и знаний? Неужели советской России не нужны ученые люди?», – недоумевает Г.А. Клинкерман [40, л. 153]. Иосиф Самуилович Гавьев, двадцать пять лет проработавший цеховым мастером, рядовым рабочим, в годы нэпа стал держателем комиссионного магазина. Будучи аккуратным налогоплательщиком и законопослушным гражданином, имея одно из лучших в городе торговых предприятий, он недоумевает по поводу необоснованного, сверх меры налогообложения, настолько непосильного, что ставит

его в положение неисправного недоимщика, которому угрожает ст. 79 Уголовного кодекса. «Ведь я никогда не пользовался наёмным трудом и никогда не представлял из себя продукта НЭПа», – оправдывался И.С. Гавьев, приводя, наверное, один из последних аргументов, который, по его мнению, должен был возыметь действие на налоговую службу [40, л. 76]. Та же растерянность прочитывается в заявлении артельного старосты М.В. Почивалова, более 30 лет прослужившего на железной дороге. Избу, купленную им в 1916 г. на «свои кровные», в 1917 г. новые власти определили под продовольственную лавку, а после передали коммунальному отделу. «Я не согласен с тем, что Советская власть не может защитить интересы рабочего и вернуть мне избу. Ведь от этих закомарившихся делопутов в советских управлениях у самого энергичного человека опускаются руки, падает вера в свои права», – писал Почивалов в заявлении в РабКРИН 10 октября 1924 г. [40, л. 156].

Итак, городская повседневность в Среднем Поволжье отразила сложную действительность 1920-х гг. как переходное состояние общества, движущегося от традиционности к новой социальности. Последняя оказалась ловушкой для основной массы населения, поскольку старый мир был разрушен, а новый только предстояло построить. В этой ситуации сформировалась главная черта повседневной жизни – её нестабильность, выраженная нарастанием жилищной катастрофы, усилением кризиса семейных отношений, множеством житейских проблем, которые человеку приходилось разрешать самому, вырабатывая индивидуальную стратегию выживания.

«Субъективной реальностью» была потерянность человека, ставшая следствием разрыва эпох, обнажившего нищету новой и безвозвратную утрату старой, разметавшего нравственно-этические ценности, переместившего и перепутавшего различные слои. Вероятно, именно по причине духовного потрясения деревня стала плясать с остервенением, а город предавался картежному азарту и угарному разгулу в пивных. «Народ теперь зверем стал, – подметил в беседе со своим спутником бывший владелец парохода «Кавказ и Мекурий» Василий Павлович Кашин, герой «Бытовых» рассказов А. Волжского. – Ни тебе уважения, ни покорности. Вот орут разные похабные песни про буржуев и не думают, может, кому не нравится это. Ни с чем не считаются. Каммуния...» [41, с. 19].

Библиографический список

1. Нарский, И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. Нарский. – М., 2001.
2. Каменев, Л. Выступление на XIII съезде РКП(б) / Л. Каменев // Тринадцатый съезд РКП(б), май 1924 г. : стенографический отчет. – М., 1963.
3. Рафалович, А. Новая экономическая политика / А. Рафалович // Экономист. – 1922. – №2.
4. Зайцев, Б. Эклер при НЭПе / Б. Зайцев // Улица Святого Николая. – М., 1989.
5. Революция в деревне : очерки / под ред. В.Г. Тан-Богораз. – Л. ; М., 1924.
6. «Совершенно секретно...»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2002.
7. Сальникова, А.А. Советская власть и изменение

облика жилищного пространства Казани в 1920-е годы / А.А. Сальникова // Социальная структура и социальные отношения в Республике Татарстан в первой половине XX века. – Казань, 2003.

8. Артищев, Р.Т. Бюджеты самарских рабочих / Р.Т. Артищев ; под ред. Г.И. Баскина. – Самара, 1925.

9. Усольцев, В.Ф. Как живет и питается рабочий г. Казани (По материалам бюджетных исследований на 1 января 1925 г.) / В.Ф. Усольцев. – Казань, 1926.

10. Труд и хозяйство. – 1924.

11. Государственный архив Самарской области (ГАСам. О.). – Ф. 798. – Оп. 10. – Д. 10.

12. ГАСам. О. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 3317.

13. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). – Ф. 990. – Оп. 1. – Д. 831.

14. НАРТ. – Ф. 990. – Оп. 1. – Д. 659.

15. Исаков, В. Демографический аспект / В. Исаков // Труд и хозяйство. – 1925. – №16.

16. Известия ТатЦИКа. – 1923. – 4 мая.

17. ГАСам. О. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 237.

18. Национальный музей Республики Татарстан (НМРТ). Фонд письменных источников. П. 176. Здравоохранение в ТАССР. 1920–1924 гг.

19. НАРТ. – Ф. 3452. – Оп. 2. – Д. 1661.

20. Путеводитель по Волге. – Казань, 1924.

21. Малышева, С.Ю. Советский провинциальный город: время отдыха (досуг жителей Казани в довоенное время) / С.Ю. Малышева // Повседневность российской провинции: история, язык и пространство. – Казань, 2002.

22. Известия ТатЦИКа. – 1923. – 27 мая.

23. Известия ТатЦИКа. – 1923. – 18 июня.

24. Чадаев, В. В гуще повседневности : бытовые очерки / В. Чадаев. – М., 1923.

25. Известия Чистопольского исполкома и комитета РКП(б). – 1921. – Июль.

26. Известия ТатЦИКа. – 1923. – 4 февр.

27. Известия ТатЦИКа. – 1923. – 21 июля.

28. Известия ТатЦИКа. – 1923. – 27 мая.

29. Известия ТатЦИКа. – 1923. – 13 июня.

30. Струмилин, С. Рабочий быт в цифрах / С. Струмилин. – М. ; Л., 1926.

31. НМРТ. П. 168а. Культура Татарии. 1920–1927.

32. НАРТ. – Ф. 1296. – Оп. 2. – Д. 13.

33. Кочepasова, Т.Ю. «Песни улицы»: Образы НЭПа в городской эстраде Симбирска (1921–1925 гг.) / Т.Ю. Кочepasова. – Ульяновск, 2000.

34. Старый и новый быт : сборник / под ред. В.Г. Тан-Богораза. – Л., 1924.

35. Гуткин, А.Я. Задачи современного общества в борьбе с проституцией / А.Я. Гуткин. – Оренбург, 1924.

36. Струмилин, С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922–23 гг. : статистико-экономические очерки / С. Струмилин. – М. ; Л., 1924.

37. Ларин, Ю. Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним / Ю. Ларин. – М., 1929.

38. Преображенский, П.А. Природа и население Среднего Поволжья / П.А. Преображенский. – Самара, 1928.

39. НАРТ. – Ф. 990. – Оп. 1. – Д. 520.

40. НАРТ. – Ф. 990. – Оп. 1. – Д. 321.

41. Волжский, А. Бытовое : рассказы / А. Волжский. – М., 1924.